

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

Андрей ПАРШИН (http://teneta.rinet.ru/rus/pe/parshin-and_teoria-i-praktika-perevoda.htm)

Эквивалентность перевода и перевод слова (сокращено)

Одна из главных задач переводчика заключается в максимально полной передаче содержания оригинала, и, как правило, фактическая общность содержания оригинала и перевода весьма значительна.

Следует различать потенциально достижимую эквивалентность, под которой понимается максимальная общность содержания двух разноязычных текстов, допускаемая различиями языков, на которых созданы эти тексты, и переводческую эквивалентность - реальную смысловую близость текстов оригинала и перевода, достигаемую переводчиком в процессе перевода. Пределом переводческой эквивалентности является максимально возможная (лингвистическая) степень сохранения содержания оригинала при переводе, но в каждом отдельном переводе смысловая близость к оригиналу в разной степени и разными способами приближается к максимальной.

Различия в системах ИЯ и ПЯ и особенностях создания текстов на каждом из этих языков в разной степени могут ограничивать возможность полного сохранения в переводе содержания оригинала. Поэтому переводческая эквивалентность может основываться на сохранении (и соответственно утрате) разных элементов смысла, содержащихся в оригинале. В зависимости от того, какая часть содержания передается в переводе для обеспечения его эквивалентности, различаются разные уровни (типы) эквивалентности. На любом уровне эквивалентности перевод может обеспечивать межъязыковую коммуникацию.

Любой текст выполняет какую-то коммуникативную функцию: сообщает какие-то факты, выражает эмоции, устанавливает контакт между коммуникантами, требует от Рецептора какой-то реакции или действий и т.п. Наличие в процессе коммуникации подобной цели определяет общий характер передаваемых сообщений и их языкового оформления. Сравним такие отрезки речи, как: *На столе лежит яблоко; Как я люблю яблоки!; Дай мне, пожалуйста, яблоко; Ты слышишь, что я сказал?*. В каждом из этих высказываний, помимо значений отдельных слов и структур и конкретного содержания всего сообщения, можно обнаружить и обобщенное функциональное содержание: констатацию факта, экспрессию, побуждение, поиск контакта. Текст может последовательно или одновременно выполнять несколько коммуникативных функций - приведенные выше высказывания могут составить единый связный текст - но он не может не иметь в своем содержании функциональной задачи (цели коммуникации), не утратив своей коммуникативности, т.е. не перестав быть результатом акта речевой коммуникации.

Семантика слов, входящих в высказывание, составляет важнейшую часть его содержания. Слово в качестве основной единицы языка фиксирует в своем значении сложный информативный комплекс, отражающий различные признаки обозначаемых объектов (предметно-логическое значение слова), отношение к ним членов говорящего коллектива (коннотативное значение слова) и семантические связи слова с другими единицами словарного состава языка (внутрилингвистическое значение слова). Информация, составляющая семантику слова, неоднородна, и в ней

могут выделяться качественно различные компоненты. Взятый сам по себе, любой из таких компонентов может быть воспроизведен средствами иного языка, но нередко одновременная передача в переводе всей информации, содержащейся в слове, оказывается невозможной, так как сохранение в переводе некоторых частей семантики слова может быть достигнуто лишь за счет утраты других ее частей. В этом случае эквивалентность перевода обеспечивается воспроизведением коммуникативно наиболее важных (доминантных) элементов смысла, передача которых необходима и достаточна в условиях данного акта межъязыковой коммуникации.

Прямые значения русского *ошибка* и английского *error* часто выступают в качестве эквивалентных при переводе, но *error* подразумевает отклонение от какого-либо правила, принципа или закона и этим дополнительным признаком отличается как от ошибки, где такое ограничение отсутствует, так и от *mistake*, которое тоже значит *ошибка*, но связано обычно со случайным непониманием, недоразумением или промахом.

Английские *kill, assassinate, murder, slay* эквивалентны русскому *убить*, но *kill* означает прекратить существование как одушевленных, так и неодушевленных объектов (ср.: *to kill an article, a plan, injustice, war, etc.*), *assassinate* предполагает предательское убийство официального лица, *murder* - убийство намеренное и с преступным мотивом, *slay* - намеренное и насильственное, но необязательно преступное и т.п.

При назывании процесса плавание в английском языке при помощи глаголов *to swim* или *to sail* обязательно предполагается, что плавающий предмет самостоятельно передвигается по воде, а не просто плывет по течению, что идентично значению глагола *to float*. В русском переводе Лодка плывет по озеру английского *The boat is sailing in the lake* эта особенность значения английского слова утрачивается, и перевод может быть истолкован как воспроизведение английского *The boat is drifting (floating) in the lake*. При переводе с русского на английский глагола плыть неизбежно придется указать в переводе признак самостоятельности или несамостоятельности движения, отсутствующий в семантике русского слова. При переводе на русский язык недостающий признак обычно привносится в сообщение значением других слов. Так, в русских переводах *Он плавает стилем брасс* и *Бревно плавает, наполовину погружаясь в воду* ясно видно, что в первом случае *плавает* эквивалентно английскому *swims*, а во втором - *floats*. Дополнительные признаки, различающие описание данного явления в оригинале, с необходимостью вытекают из значений слов *стилем* и *бревно*, хотя эти признаки отсутствуют в самом слове *плавает*.

Закрепляя в значениях слов разные признаки обозначаемых предметов, каждый язык как бы создает свою "картину мира". Если по-английски муха "*стоит*" на потолке (*A fly stands on the ceiling*), то по-русски неподвижное положение мухи будет описываться уже иным образом: *Муха сидит на потолке*. В результате в целом совпадающие семы в значениях слов разных языков могут различаться по характеру и числу объектов, которые обозначаются путем указания на данный признак. Русское *носить* может относиться к предметам одежды, бороде, усам, прическе и пр., но не применимо к косметическим средствам, в отличие от его английского эквивалента *to wear* (например, *She was wearing a new kind of perfume*). Кипячеными (*boiled*) вода и молоко могут быть и по-русски, и по-английски, а яйца только по-английски (*boiled eggs*), по-русски же они должны именоваться вареными.

Значение любого слова является частью семантической системы языка, и оно зависит не только от того, какие признаки обозначаемых объектов в нем непосредственно отражены, но и от наличия других слов, обозначающих те же объекты. Русское *лошадь* не идентично английскому *horse* уже потому, что оно делит информацию об этом объекте со словом *конь*. Английское *dog* не тождественно русскому *собака*, поскольку оно охватывает и содержание русского *пес* и т.д.

Английское *head* и русское *голова* обозначают в своих прямых значениях одну и ту же часть тела, но для англичанина в семантике этого слова содержится отсутствующее в русском языке указание на то, что в голове помещаются зубы, глаза и язык. Это делает возможным употребление в английском языке таких высказываний, как: *You are not expected to say anything here and you can't keep too quiet a tongue in your head. I could hear his teeth rattle in his head. I've got an eye in my head! I could bring down a running rabbit at fifty paces without a blink.* При переводе таких высказываний придется отказаться от использования ближайшего эквивалента слову *head*, и в русском переводе язык и зубы будут находиться не в голове, а во рту, а глаза - на лице.

Нередко использование ближайшего соответствия вполне возможно, но более узуальным оказывается иной вариант. В английских оригиналах обычно моют тарелки после еды (*wash dishes*), скребут полы (*scrub floors*), моют зубы (*wash teeth*). Все эти сочетания возможны и в русском языке, но в русских переводах им, как правило, соответствуют более употребительные *мыть посуду*, *мыть полы* и *чистить зубы*.

Эквивалентность отдельных слов в оригинале и в переводе предполагает максимально возможную близость не только предметно-логического, но и коннотативного значения соотнесенных слов, отражающего характер восприятия говорящими содержащейся в слове информации. Наибольшую роль в передаче коннотативного аспекта семантики слова оригинала играют его эмоциональный, стилистический и образный компоненты.

Эмоциональная характеристика значения слова может быть положительной или отрицательной. В любом языке существуют слова, совпадающие по предметно-логическому значению, но различающиеся по наличию или характеру эмоционального компонента в семантике слова. В следующих парах английских и русских слов первое слово нейтрально, а второе - эмоционально маркировано: *dog - doggie*; *cat - pussy*; *womanly - womanish*; *to attack - to accost*; *smell - fragrance*; *кошка - кошечка*; *буржуа - буржуй*; *ребячий - ребяческий*; *сидеть - рассесться*. Общий характер эмоциональности, как правило, может быть полностью сохранен при переводе. Обычно бывает возможным подобрать в ПЯ слово, выражающее такое же одобрительное или неодобрительное отношение к описываемому, какое выражено в слове ИЯ:

Sometimes I feel I'm here all by myself, no one else on the whole damn planet. - Иной раз мне сдается, что я один-одинешенек, на всей этой проклятой планете больше ни души.

Передача эмоциональной характеристики, как и других компонентов коннотативного значения слова, облегчается благодаря тому, что реализация этого значения в высказывании распространяет соответствующую характеристику на все высказывание: делает высказывание эмоциональным, стилистически окрашенным или образным. Поэтому в переводе этот элемент содержания может быть воспроизведен нелокально, т.е. в другом месте высказывания, в семантике совсем другого слова:

Sometimes I feel about eight years old, my body squeezed up and everything else tall. - А иногда покажется, что я - восьмилетний мальчишка, сам махонький, а все кругом здоровенное.

Сохранение в переводе эмоциональной характеристики высказывания путем использования слов с соответствующим коннотативным значением представляет исключительную важность для достижения эквивалентности. Несоблюдение этого требования может сделать перевод полностью неэквивалентным:

Tom was in agony. At last he was satisfied that time had ceased and the eternity began. (M. Twain). - Том переживал мучительные минуты. В конце концов он с удовольствием почувствовал, что время исчезло... (Пер. К. Чуковского).

Неправильно переданная эмоциональная характеристика глагола *to satisfy*, употребленного в оригинале в нейтральном значении *не сомневаться, вполне увериться*, исказила весь смысл высказывания. Разумеется, перепуганный до смерти Том Сойер не мог получить удовольствие при мысли о том, что его мучения никогда не кончатся.

Эквивалентность предполагает сохранение в переводе и стилистической характеристики оригинала. Воспринимая слово, пользующиеся языком оценивают его как носителя дополнительной информации об уместности использования слова в определенном типе речи: разговорной, книжной или поэтической. Значительное число слов в любом языке стилистически нейтрально, т.е. употребляется в самых различных типах речи. Нейтральная стилистическая характеристика также расценивается говорящими как компонент коннотативного значения, на основании которого слово оказывается уместным или неуместным в соответствующих высказываниях. И здесь можно найти пары слов, у которых совпадает предметно-логическое значение, но отличается стилистическая характеристика: *to end - to terminate*; *to begin - to commence*; *to go (to a place) - to repair (to a place)*; *bloody - sanguinary*; *final - ultimate*; *wife - spouse*; *husband - consort*; *спать - почитать*; *идти - шествовать*; *сидеть - восседать*; *слушать - внимать*; *голос - глас*; *хозяин - владелец*; *приказ - повеле-ние*; *маленький - миниатюрный*; *уважаемый - высокочтимый* и т.п.

Наибольшая степень эквивалентности отмечается в тех случаях, когда слово в переводе, соответствующее переводимому слову по другим компонентам содержания, имеет и одинаковую стилистическую характеристику. Часто это достигается при переводе терминов, имеющих терминологические соответствия в ПЯ: *radiation - радиация*; *cathode-ray tube - электроннолучевая трубка*; *ionizing event - акт ионизации*; *precipitations - атмосферные осадки*; *feed-back - обратная связь* и т.д. Однако равнозначные слова, принадлежащие к одному стилю речи, можно найти и среди общенародной лексики: *aforsaid - вышеозначенный*; *bearer - предъявитель*; *bark - челн*; *to slay - сразить*; *to repose - покоиться*; *steed - скакун*; *to bolt - улепetyвать*; *to show off - рисоваться*; *to funk - трусить*; *gluttony - обжорство* и т.п.

Однако нередко соответствующие друг другу по основному содержанию слова двух языков принадлежат к разным типам речи, и стилистический компонент значения слова оригинала оказывается утраченным в переводе. В качестве примера можно указать на ряд англо-русских соответствий, в которых первое слово стилистически маркировано, а второе - стилистически нейтрально: *slumber - сон*; *morn - утро*; *serge - сержант*; *to swap - менять*; *окрутить - to marry*; *умеючи - skilfully* и т.п. При использовании подобных соответствий нарушается эквивалентность стилистической характеристики слов в оригинале и переводе. Такое

нарушение может быть легко компенсировано, поскольку, подобно эмоциональной характеристике, стилистический компонент значения слова стилистически окрашивает не только само слово, но и высказывание в целом как принадлежащее к определенному типу речи. Поэтому этот компонент может быть воспроизведен в переводе иного слова в пределах высказывания или даже в одном из соседних высказываний, обеспечивая необходимую степень стилистической эквивалентности. К такого рода компенсации нередко прибегают переводчики художественной литературы, где особенно важно сохранить стилистические особенности оригинала. Приведем несколько примеров подобной стилистической компенсации при переводе.

Вот перевод начальной фразы из письма в "Таймс", которое, по традиции, написано изысканным стилем официальных английских документов:

You will pardon me, I trust, this intrusion upon your space. (J. Galsworthy). - Льшу себя надеждой, что вы простите мою назойливость. (Пер. К. Корнеева и П. Мелковой).

В этом переводе есть ряд стилистических отклонений в передаче значений отдельных слов. Не передана стилистическая характеристика глагола *to pardon* (ср. *to excuse*), русское *назойливость* не воспроизводит указание на строго официальный характер словосочетания *intrusion upon your space*. Однако эти отклонения коммуникативно не релевантны, поскольку принадлежность высказывания к официальному стилю достаточно четко передана в переводе глагола *to trust* напыщенным сочетанием *льшу себя надеждой*.

Благодаря относительной самостоятельности стилистического компонента семантики слова, стилистическая эквивалентность в переводе может достигаться совсем иными способами выражения, чем в оригинале. Это может быть иная часть речи, стилистическая характеристика может быть выражена специальной морфемой или в корне слова совместно с другими компонентами значения слова.

Когда стилистическая характеристика передается в переводе частично и нелокально, отдельным словам оригинала, в семантике которых имеется стилистический компонент, будут соответствовать слова ПЯ, лишенные аналогичной стилистической окраски. Такие соответствия должны быть стилистически нейтральны, т.е. не содержать стилистической характеристики, отличной от характеристики переводимого слова. В противном случае оригинал и перевод будут стилистически неэквивалентны.

Эквивалентность коннотативного значения у соотнесенных слов в оригинале и переводе предполагает также воспроизведение в переводе ассоциативно-образного компонента этого значения. Семантика некоторых слов включает дополнительную информацию, связанную с определенными ассоциациями в сознании говорящих. Для жителей многих стран снег - это не просто вид атмосферных осадков, но и эталон белизны, с которым принято сравнивать другие белые (белоснежные) предметы (волосы, сахар, белье и т.п.). Мел - тоже белый, но с ним можно сравнить лишь цвет побледневшего лица. Русское *щепка* применяется для образного описания худобы человека, а в семантике слова *иголка*, обозначающего вещь гораздо более тонкую, нет компонента, вызывающего подобные ассоциации.

В семантике слов с подобным компонентом значения подчеркивается какой-либо признак, который по каким-то причинам выделяется в объекте мысли. По-русски *баня* - это не только специальное помещение, где моются, но и очень жаркое место, в то время как английское *bath* лишено подобной характеристики. Английское *rake* - грабли - это что-то очень тонкое (*thin*), а отличительной чертой

павлина (реасоск) оказывается гордость. Лиса ассоциируется с хитростью, а лев - с храбростью. Подобная особенность значения слова свидетельствует о наличии у слова образности, закрепленной в его семантике речевой практикой.

Различные ассоциации закрепляются в значениях некоторых слов в связи с особенностями их употребления в устном фольклоре и литературных произведениях, широко известных в данном языковом коллективе. Подобные ассоциации связаны с русскими именами *Плюшкин, Митрофанушка, Держиморда*, английскими *Humpty-Dumpty, Mr. Hide, Sir Galahad* и т.д.

Благодаря образному компоненту значения, слово производит особое воздействие на Рецептора, его семантика воспринимается с большей готовностью, привлекает внимание, вызывает эмоциональное отношение. Сохранение образности оригинала может быть обязательным условием достижения эквивалентности перевода.